

БРИКС и контуры многополярного будущего

Е.М. Савичева, Ф.А. Киричко

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Рецензия на коллективную монографию: Tang H., Wong Yue Shun B. (eds.). 2025. Towards a Future for BRICS+. Hong Kong University Press. 216 p.

Ключевые слова: БРИКС, БРИКС+, Россия, Китай, Индия, Глобальный Юг, многополярность, геополитика, устойчивое развитие, цифровизация

Коллективная монография Towards a Future for BRICS+ («На пути к будущему для БРИКС+») была опубликована на английском языке в 2025 г. издательством Hong Kong University Press совместно с Asia Global Institute при Университете Гонконга. В центре внимания авторов – деятельность БРИКС+¹, анализ его места и роли в мире, а также глобальные и региональные вызовы, стоящие перед ним.

Рецензируемая монография представляет собой комплексное исследование роли БРИКС+ в мировой геополитике, а также в торговой, финансовой, денежно-кредитной и цифровой сферах. Важная особенность труда состоит в том, что авторы отдельных глав – преимущественно исследователи из стран объединения или его государств-партнёров – демонстрируют глубокую погружённость в проблематику и личную заинтересованность в её осмыслении.

Монография нацелена на рассмотрение деятельности БРИКС+ вне упрощённых схем и представлений, прежде всего вне трактовки объединения как якобы антизападного проекта. Во введении редакторы – Хэйвай Тан, экономист, специалист по международной торговле и глобальным производственным цепочкам, и Брайан Вонг Юэ-шун, исследователь в области геополитики,

¹ В рецензируемой монографии термином БРИКС+ обозначается расширенный формат БРИКС после решений 2023–2025 гг., включающий новых членов и партнёрские государства.

политической философии и высоких технологий, – оценивают БРИКС+ как важный формирующийся геополитический феномен (р. 13–14).

Редакторы рассматривают предпосылки появления БРИКС, динамику его развития и расширения до формата БРИКС+; анализируют ключевые параметры деятельности объединения – от геополитической автономии до обмена знаниями, информацией и трудовыми ресурсами между странами; выделяют основные проблемы, стоящие перед ним: исторические конфликты между участниками, неравенство и конкуренцию в экономической сфере, а также внешнее давление, прежде всего со стороны Запада (р. 10–13).

Глобальный Юг

В первой главе «Новый Глобальный Юг в формирующемся мультиплексном мировом порядке» содержится критика сформулированного в западном политическом и экспертном дискурсе после Второй мировой войны термина «третий мир» и подчёркивается, что он не отражал и не отражает истинную сущность Глобального Юга, а также игнорирует глубокие исторические корни государств этого региона. По мнению автора, сегодня развивающиеся страны не пребывают в упадке, как утверждают на Западе, а стремительно превращаются в *Новый* Глобальный Юг – более сильный экономически, институционально развитый и влиятельный. Бóльшая экономическая мощь, тесное взаимодействие стран между собой, активизация дипломатических усилий на всех уровнях, роль связующего звена между Западом и остальным миром – вот отличия *Нового* Глобального Юга от *Старого* (р. 21–22). Автор, А. Ачарья, полемизирует на важную тему – целесообразно ли относить Китай, не являвшийся колонией в классическом смысле, к странам Глобального Юга? Исследователь не приходит к однозначному выводу, но подчёркивает, что отнесение Китайской Народной Республики (КНР) к этому региону значительно повышает глобальный вес этого геополитического конструкта. Вместе с тем, по его мнению, экономическая мощь Китая может привести к формальному разделению Глобального Юга на «могущественный» и «бедный» (р. 35). Здесь, однако, важно сохранить проводимое А. Ачарьей различие между многополярным и мультиплексным мировым порядком. Многополярность по-прежнему предполагает организацию международной системы вокруг нескольких великих держав, тогда как мультиплексность означает рассредоточение лидерства между различными государствами, региональными организациями и другими акторами в зависимости от конкретной области международного взаимодействия. С этой точки зрения БРИКС+ является не новым самостоятельным «полюсом», а одной из нескольких площадок складывающейся более децентрализованной мировой архитектуры.

Именно поэтому содержащиеся в главе оговорки имеют принципиальное, а не второстепенное значение. БРИКС+ не тождествен Глобальному Югу, а его наиболее влиятельные участники нередко руководствуются собственными

интересами, которые не совпадают с интересами менее развитых государств. Расширение объединения способно не только усиливать переговорные позиции Глобального Юга, но и углублять его внутреннее разделение на «могущественный Юг» и «бедный Юг» (р. 34–35). В таком случае возникает вопрос, который автор ставит, но не разрешает окончательно: кто и на каком основании может выступать от имени столь разнородного сообщества? Само по себе увеличение числа участников БРИКС+ ещё не демократизирует глобальное управление. Без механизмов, позволяющих менее влиятельным государствам воздействовать на формирование повестки и распределение ресурсов, критика западной иерархии может сопровождаться воспроизводством новой иерархии уже внутри Глобального Юга. Поэтому БРИКС+ предстаёт в главе не готовым архитектором будущего миропорядка, а одной из площадок, на которых только формируется и оспаривается политическая субъектность Глобального Юга.

Формат БРИКС+

Во второй главе «Расширение БРИКС+ в условиях меняющегося геополитического ландшафта» анализируется расширение объединения через призму новых подходов к геополитике, войне, миру и безопасности. Автор отмечает, что саммиты БРИКС в Йоханнесбурге (2023 г.) и Казани (2024 г.) имели важное значение, поскольку проходили на фоне большого интереса стран Глобального Юга к объединению и разочарования западоориентированными международными институтами (р. 43–44). По мнению автора, председательство в объединении – это не только престижная миссия, но и дипломатическое бремя, требующее от страны-председателя согласования национальных интересов с коллективными целями БРИКС+. Председательство ЮАР в 2023 г. было отмечено разработкой африканской мирной инициативы по Украине и подачей иска против Израиля в Международный суд ООН в связи с военными действиями в секторе Газа. Позиция Претории рассматривается как пример усилий Глобального Юга по утверждению своей субъектности и суверенности, не предполагающей жёсткой привязки ни к Западу, ни к Востоку.

Председательство России в БРИКС в 2024 г. проходило на фоне жёстких западных санкций и попыток изолировать Москву, которые, как подчёркивает автор, не достигли своих целей. Он отмечает, что формат БРИКС+ имеет долгосрочное стратегическое значение для России, поскольку способствует укреплению многополярности, противодействию экономическому давлению Запада и реформированию глобальных институтов (р. 52). Автор приходит к выводу, что глобальное большинство рассматривает БРИКС+ не как антизападную коалицию, а как силу, ориентированную на многополярность и укрепление международной безопасности, в том числе в интересах стран Глобального Юга.

Роль БРИКС+ в глобальной политике

Авторы третьей главы «Геополитика БРИКС+: между институциональным балансированием и хеджированием, а также за их пределами» констатируют, что БРИКС за годы своего существования не только не развалился, но и значительно расширил свои ряды, несмотря на имеющиеся разногласия между его членами. Причина в том, что оно не является объединением с единой идеологией, а представляет собой общую институциональную платформу, на которой страны-члены действуют в соответствии с собственными интересами и задачами. Такую тактику авторы объясняют институциональным балансированием и институциональным хеджированием². Институциональное балансирование заключается в противодействии конкретной осязаемой угрозе, чаще всего в виде конкурирующей державы, от которой исходит прямая и непосредственная опасность, и для её купирования страны объединяются (р. 65–66). Исследователи считают, что данный метод применяют Россия, Китай и, в значительной мере, Индия, то есть основатели БРИКС+ и наиболее значимые члены объединения. Основная же цель институционального хеджирования – смягчение всех неопределённых рисков через проработку запасных вариантов действий, а также следование политике нейтралитета (р. 65–66). Такой тактики придерживаются Бразилия и ЮАР, большинство «новичков», а также страны – партнёры БРИКС+, убеждены авторы (р. 78). Они резюмируют, что интеграционный формат находится на пути успешного развития, поскольку в его рамках сочетаются балансирование угроз и управление рисками. Сила БРИКС+ как раз и состоит в том, что объединение позволяет своим членам добиваться разноплановых целей, но общими средствами и усилиями.

БРИКС+ и Юго-Восточная Азия

Четвёртая глава «Юго-Восточная Азия и БРИКС+: вступать или нет?» посвящена особенностям сотрудничества государств Юго-Восточной Азии (ЮВА) с БРИКС+ и их возможной интеграции в объединение. По мнению автора, БРИКС+ из платформы геоэкономического взаимодействия постепенно превратился в механизм, который позволяет государствам снижать зависимость от западного доминирования. Этому способствовали соперничество США и Китая, а также конфликт на Украине (р. 103–104). Расширение БРИКС в 2024–2025 гг. сделало объединение более представительным, но одновременно усложнило согласование общих целей, считает автор. Рассматривая отношение

² Хеджирование (в экономике) – стратегия управления финансовыми рисками, заключающаяся в страховании инвестиций или активов через открытие противоположных позиций на рынке для компенсации возможных убытков от неблагоприятных ценовых колебаний различных активов.

стран ЮВА к БРИКС+, он выделяет три группы: государства, выступающие против вступления или активного сотрудничества (Филиппины, Вьетнам, Сингапур); страны, проявляющие интерес, но сталкивающиеся с ограничениями (Камбоджа, Лаос, Мьянма); и ключевые партнёры, уже вступившие в объединение или активно с ним взаимодействующие (Индонезия, Малайзия, Таиланд) (р. 106–110). Исследователь подчёркивает, что БРИКС+ открывает для стран ЮВА новые возможности, но одновременно создаёт риски вовлечения в противостояние великих держав. По его мнению, объединение в большей степени ориентировано на реагирование на внешние вызовы, чем на поддержание внутренней сплочённости; поэтому сближение с БРИКС+ для государств региона прежде всего связано с поиском дополнительной внешнеполитической опоры.

Политика стран БРИКС+ в интересах устойчивого развития

В следующей главе «Многосторонность во имя многополярности: дипломатия БРИКС+ в области устойчивого развития» подчёркивается, что климатическая дипломатия объединения и его деятельность в сфере устойчивого развития стали одними из инструментов продвижения многополярного мироустройства. Экологическая политика БРИКС+, нацеленная на предотвращение изменения климата, переход к зелёной энергетике и устойчивому развитию, опирается на коллективную идентичность стран-членов и позволяет оспаривать западную климатическую повестку, пишет исследователь (р. 118). Несмотря на различия в политике отдельных стран БРИКС+ в этой сфере, объединение в целом обладает значимыми переговорными возможностями на международных экологических форумах, заключает автор. При этом он критикует БРИКС+ за недостаточную институционализацию экологического направления, утверждая, что объединению не хватает проработанных инструментов реализации соответствующих решений (р. 125–126). Автор приходит к выводу, что политика БРИКС+ в области климата и устойчивого развития изменила глобальную экологическую повестку, а само объединение стало связующим звеном между развитыми и развивающимися странами. В условиях ослабления глобального доминирования Запада БРИКС+ получает возможность продвигать более справедливую климатическую повестку и плюралистический подход к решению экологических проблем.

Торговые связи объединения

В шестой главе «Основа для расширения торговых связей между членами БРИКС+» авторы констатируют, что усиление торгово-экономической интеграции стран-членов является рациональным и геополитически мотивированным шагом. Они оспаривают тезис о том, что БРИКС+ не обладает реальным экономическим весом, подчёркивая, что темпы роста ВВП его участников превышают

аналогичный показатель стран G7, а к 2040 г. объединение может обогнать «Большую семёрку» по совокупному ВВП (р. 133). Отмечается, что БРИКС+ стремится к многополярному мироустройству, отдавая приоритет экономическому развитию и уделяя особое внимание расширению торговых связей, дедолларизации, созданию альтернативных платёжных систем и изменению цепочек поставок энергоресурсов (р. 139–141). Авторы указывают на вызовы и риски в торгово-экономической сфере, но вместе с тем выделяют перспективы усиления роли стран Глобального Юга в международных экономических отношениях и возможности более тесного сотрудничества с АСЕАН. Таким образом, создание БРИКС стало реакцией развивающихся экономик на доминирование США в глобальной финансово-экономической системе. Главная цель торговой политики объединения – не противостояние Западу, а снижение рисков, связанных с политикой санкций и ограничений, резюмируют исследователи.

БРИКС+ и глобальная финансовая безопасность

В седьмой главе «Глобальная система финансовой безопасности: укрепление основ международной валютной системы» обращается внимание на то, что совокупный госдолг стран мира достиг исторически беспрецедентных показателей, а связанные с этим риски продолжают расти. Из-за неполного отражения уровня государственного долга и неэффективного налогового-бюджетного управления мир приблизился к системному долговому кризису, при этом эффективные многосторонние инструменты для его преодоления практически отсутствуют, указывает автор. Он считает целесообразным создание единого реестра с информацией о долгах всех стран мира и подчёркивает, что прозрачность госдолга является основополагающей для любой международной финансовой системы (р. 152–153). Автор критикует глобальную систему финансовой безопасности (ГСФБ), анализирует региональные механизмы финансирования госдолга и подробно рассматривает функционирование «Пула условных валютных резервов стран БРИКС» (2015 г.) объёмом 100 млрд долл. (р. 163–164). Вместе с тем позиция автора значительно сложнее простого противопоставления финансовых механизмов БРИКС+ Международному валютному фонду. Пул условных валютных резервов действительно был создан в том числе вследствие недовольства участников БРИКС системой квот и управления МВФ. Однако возможность получения более 30% предусмотренного лимита по-прежнему связана с наличием программы Фонда, сам механизм до настоящего времени не применялся, а его ресурсы и институциональные возможности существенно уступают ведущим региональным финансовым механизмам (р. 163–164). В заключении главы автор прямо указывает, что урегулирование долговых кризисов должно опираться на глобальную систему финансовой безопасности, в центре которой остаётся МВФ (р. 168). Одновременно он призывает включить Китай и других новых кредиторов в общую, более прозрачную и предсказуемую систему реструктуризации суверенной задолженности.

Тем самым автор вступает в содержательную полемику с распространённым представлением о финансовой деятельности БРИКС+ как о последовательном выходе из институтов Бреттон-Вудской системы. Возникает более сложный вопрос: является ли объединение создателем альтернативного финансового порядка или коалицией, стремящейся перераспределить права, голоса и ответственность внутри существующего порядка? Аргументация автора скорее свидетельствует в пользу второго ответа. Задача состоит не в демонтаже глобальной системы финансовой безопасности, а в реформировании её управления и одновременном превращении институтов БРИКС+ из преимущественно символических инициатив в реально действующие, прозрачные и совместимые с универсальными механизмами структуры. В этом смысле зависимость Пула условных валютных резервов от МВФ следует рассматривать не только как слабость БРИКС+, но и как свидетельство того, насколько трудно создать с нуля признанные правила финансовой помощи, надзора и распределения рисков.

Национальные инновационные системы стран-членов БРИКС+

В восьмой главе «Национальные инновационные системы (НИС)³ стран БРИКС: сравнение с Южной Кореей» авторы подробно анализируют различия в НИС пяти стран – основателей БРИКС, их готовность к четвёртой промышленной революции, а также проводят сравнение с Южной Кореей. По мнению исследователей, главная движущая сила экономического роста государства – это, прежде всего, его инновационный потенциал. Южная Корея – идеальный пример успешной индустриализации, хотя и запоздалой. Специализация Сеула на развитии технологий короткого цикла сыграла определяющую роль в ускорении догоняющего развития Кореи, а переход в 2000-е гг. к технологиям с более длительным циклом указывает на выход страны на уровень развитой национальной инновационной системы (р. 178–180). Что касается НИС стран БРИКС, то авторы выявляют существенные различия между ними. Китай, например, в целом пошёл по пути Южной Кореи, его экономика высокотехнологична и диверсифицирована, с большой интенсивностью научных разработок. Индию авторы характеризуют как глобальный центр инновационных решений с низкими затратами, а Россию и Бразилию – как страны, НИС которых развиты не в полной мере, но у которых большие перспективы (р. 190–191). ЮАР оценивается как государство БРИКС с самой слабой национальной инновационной системой и низкими инвестициями в разработки. Различия в темпах экономического роста рассматриваемых стран объясняются ощутимыми расхождениями в их НИС, резюмируют авторы.

³ Теоретические предпосылки анализа инноваций восходят к Й. Шумпетеру, однако термин «национальная инновационная система» закрепился в исследованиях К. Фримена, Б.-О. Лундвала и Р. Нельсона в 1980–1990-е гг. Под НИС понимается совокупность институтов и сетей взаимодействия между компаниями, научными организациями, государственными структурами и другими участниками инновационной деятельности.

Цифровизация в БРИКС+

Заключительная глава «Роль цифровой экономики в БРИКС+» посвящена цифровизации национальных экономик объединения; цифровая трансформация рассматривается с геоэкономической и политической точек зрения. Автор констатирует, что развитие цифровой экономики является одной из ключевых стратегических сфер для стран БРИКС+. Подчёркивается неоднородность экономик объединения: между китайской моделью суперприложений, индийской цифровой общественной инфраструктурой, российским цифровым суверенитетом и локализацией, а также гибридными цифровыми экосистемами Бразилии и ЮАР имеются существенные различия (р. 198–200). Именно поэтому цифровое сотрудничество в рамках БРИКС+ остаётся избирательным и фрагментарным. Автор указывает, что индийские ограничения на китайские приложения и сайты, а также тесное IT-сотрудничество Москвы и Пекина препятствуют созданию единого цифрового рынка. Прослеживая динамику развития цифрового сотрудничества – от создания рабочей группы по информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) до функционирования «Института будущей сети БРИКС», – автор критически оценивает проблемы в этой области (р. 201–204). Делается вывод о том, что без укрепления институциональных механизмов и координации внутри объединения цифровое сотрудничество БРИКС+ будет оставаться фрагментарным. Цифровизация при этом рассматривается как инструмент влияния на глобальное экономическое управление.

БРИКС+ между реформой и альтернативой

Последовательное сопоставление глав монографии позволяет увидеть, что её главным предметом является не столько «будущее БРИКС+», сколько принципиальная неоднозначность самого объединения. Редакторы справедливо предостерегают как от апологетического представления о БРИКС+ в качестве готового центра нового справедливого мира, так и от его сведения к антизападной коалиции. Однако отказ от определения объединения как антизападного ещё не означает его политической нейтральности. Стратегическая автономия, которую авторы называют одним из основных мотивов участия в БРИКС+, неизбежно носит относительный характер: государства стремятся обрести автономию по отношению к определённым институтам, валютам, технологическим стандартам и механизмам политического давления, воспринимаемым ими как контролируемые Западом.

Поэтому более продуктивно спрашивать не о том, является ли БРИКС+ «антизападным» вообще, а о том, в каких областях его участники намерены реформировать существующие институты, а в каких – создавать параллельные механизмы. Ответы, предлагаемые авторами монографии, заметно расходятся.

В сфере международной безопасности речь преимущественно идёт о реформировании ООН и более активном посредничестве незападных государств. В торговой и платёжной сферах рассматриваются механизмы снижения зависимости от западной инфраструктуры. В главе о глобальной финансовой безопасности МВФ, несмотря на все претензии к его управлению, сохраняет центральное место. В климатической сфере БРИКС+ описывается одновременно как связующее звено между развитыми и развивающимися государствами и как возможная альтернатива западному лидерству. Следовательно, объединение не придерживается единой модели отношения к существующему порядку: степень его ревизионизма меняется в зависимости от конкретной сферы сотрудничества.

Особенно отчётливо эта неоднозначность проявляется в предложенном Чэн-Чви Куиком и Абдулом Разаком Ахмадом различении институционального балансирования и институционального хеджирования. Типология убедительно объясняет, почему в одном объединении могут сосуществовать Россия и Китай, стремящиеся ограничить влияние США, Индия, вынужденная учитывать одновременно американский и китайский факторы, а также государства, рассматривающие БРИКС+ как дополнительную страховку от неопределённости. Вместе с тем данная концепция вызывает и встречный вопрос. Если одни участники балансируют, другие хеджируют, а некоторые делают и то и другое, обладает ли БРИКС+ собственной коллективной стратегией или лишь предоставляет общую оболочку для несовпадающих национальных стратегий?

Возможно, устойчивость БРИКС+ объясняется именно отсутствием требования к участникам прийти к стратегическому единству. Низкая степень институционализации снижает политическую цену участия, позволяет государствам сохранять свободу манёвра и не обязывает их выбирать между БРИКС+ и другими партнёрствами. Но то же качество ограничивает способность объединения выполнять принимаемые решения. Здесь возникает фундаментальное противоречие между расширением и институционализацией. Чем шире и разнообразнее становится состав БРИКС+, тем выше его представительность, но тем труднее формировать обязательства, выходящие за пределы деклараций. Укрепление наднациональных или постоянно действующих координационных механизмов могло бы повысить результативность сотрудничества, но одновременно лишило бы объединение той гибкости, которая привлекает значительную часть новых участников. Поэтому применительно к БРИКС+ уместнее говорить не об интеграции, а об управлении устойчивым несовпадением интересов.

Отраслевая часть монографии показывает, что реальное значение объединения следует оценивать не по совокупному ВВП участников и не по количеству заявлений, а по его способности производить конкретные международные общественные блага. В климатической сфере совместные декларации и встречи министров подтверждают наличие общей переговорной повестки, но ещё не свидетельствуют о формировании единой климатической политики. В БРИКС+ одновременно входят крупнейший производитель технологий возобновляемой

энергетики (Китай) и несколько ведущих экспортёров углеводородов (Россия, Иран, ОАЭ). Принцип общей, но дифференцированной ответственности может объединять их в переговорах с развитыми странами, однако не устраняет конфликтов вокруг распределения расходов на энергетический переход.

Сходное противоречие обнаруживается в цифровой сфере. Создание общего цифрового пространства требует совместимости платёжных систем, взаимного признания цифровой идентификации, согласования стандартов хранения и передачи данных, а также механизмов разрешения споров. Иными словами, цифровое сотрудничество предполагает некоторое ограничение или совместное осуществление того самого цифрового суверенитета, который отдельные участники БРИКС+ стремятся укреплять. С учётом экономической и технологической асимметрии внутри объединения снижение зависимости от западных платформ теоретически может сопровождаться возникновением новой зависимости – уже от китайской инфраструктуры и технологических решений. Поэтому критерием успешного цифрового сотрудничества должна быть не замена одного центра другим, а формирование совместимой архитектуры, сохраняющей участникам возможность выбора и предотвращающей монополизацию общих механизмов.

Методология главы о национальных инновационных системах позволяет поставить ещё один вопрос – об интеллектуальной и измерительной инфраструктуре исследования самого БРИКС+. Сравнение стран проводится преимущественно на основе американских патентных данных. Такой подход обеспечивает формальную сопоставимость, но одновременно измеряет инновационные системы через их присутствие в правовом и рыночном пространстве США. Небольшое число патентов может свидетельствовать как о слабости национальной инновационной системы, так и о её иной отраслевой структуре, ориентации на внутренний рынок, использовании других форм защиты разработок или ограниченном доступе к американской патентной инфраструктуре. Особенно существенно это различие в условиях санкций и технологической фрагментации. Поэтому Южную Корею целесообразно рассматривать не как универсальную норму развития инновационной системы, а как один из возможных путей технологического догоняющего развития.

С этим связан и почти исключительно англоязычный характер библиографии монографии. Данное ограничение имеет не только источниковедческое, но и концептуальное значение. Постзападный или мультиплексный мир в книге продолжает описываться преимущественно через английский язык, западные академические категории и данные таких институтов, как МВФ, Всемирный банк и Патентное ведомство США. Возникает своеобразный парадокс: политическая и экономическая децентрализация исследуется посредством всё ещё централизованной инфраструктуры производства знания. Дальнейшее изучение БРИКС+ потребует включения русскоязычных, китайских, индийских, арабских, персоязычных, португалоязычных и других научных и политических

дискуссий – не в качестве формального дополнения к англоязычной литературе, а как самостоятельных способов концептуализации объединения.

Таким образом, БРИКС+ можно определить как институт управляемой неопределённости. Его устойчивость пока основана не на общей идеологии, единой модели развития или совпадающей картине будущего, а на способности вмещать различные и иногда противоположные стратегии. Объединению, вероятно, и не следует превращаться в интеграционный проект по образцу Европейского союза. Более реалистичным критерием его состоятельности является избирательная институционализация: способность создавать конкретные механизмы сотрудничества там, где интересы участников действительно пересекаются, не требуя от них полной внешнеполитической солидарности. При этом многополярность станет более справедливым порядком лишь в том случае, если автономия новых «полюсов» будет дополнена правилами, защищающими интересы тех государств, которые полюсами не являются. Ценность монографии состоит в том, что она предоставляет обширный материал для постановки этого вопроса, хотя сами редакторы и авторы отдельных глав не всегда доводят его до окончательного теоретического вывода.

Заключение

Коллективная монография обладает значительной практической и теоретической ценностью и заметно выделяется среди зарубежных англоязычных исследований как специализированный труд, опирающийся на широкий эмпирический материал и междисциплинарный анализ. Работа представляет интерес для востоковедов, специалистов по БРИКС и международным организациям в целом, а также может быть полезна студентам, магистрантам и аспирантам.

Существенным достоинством работы является анализ взаимодействия стран-членов и объединения БРИКС+ в целом с внешними международными акторами – государствами Юго-Восточной Азии, а также сравнение особенностей инновационного развития участников объединения с Южной Кореей.

В целом коллективная монография *Towards a Future for BRICS+* предстаёт значимым трудом, который систематизирует знания о БРИКС+ и основных вызовах, стоящих перед объединением. Важным достоинством книги является стремление рассматривать БРИКС+ вне распространённых представлений о его якобы антизападной направленности, всё чаще встречающихся в европейском и американском экспертном дискурсе.

Об авторах:

Елена Михайловна Савичева – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и африканистики факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН). Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: savicheva-em@rudn.ru ORCID: 0000-0001-8617-3508.

Филипп Андреевич Киричко – аспирант, лаборант-исследователь кафедры востоковедения и африканистики факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН). Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: 1142230184@rudn.ru ORCID: 0009-0005-2443-5556 SPIN-код: 9253-5120.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Публикация выполнена в рамках Проекта № 102502-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов Российского университета дружбы народов (РУДН).

UDC 327.7:339.9(100)(049.32)

Received: March 15, 2026

Accepted: June 7, 2026

BRICS and the Contours of a Multipolar Future

 E.M. Savicheva, F.A. Kirichko
[DOI 10.24833/2071-8160-2026-4-109-152-164](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-4-109-152-164)

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Book review: Tang H., Wong Yue Shun B. (eds.). 2025. Towards a Future for BRICS+. Asia Global Institute / Hong Kong University Press. 216 p.

Keywords: BRICS, BRICS+, Russia, China, India, Global South, multipolarity, geopolitics, sustainable development, digitalization

About the authors:

Elena M. Savicheva – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Oriental and African Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198, Russian Federation.
E-mail: savicheva-em@rudn.ru ORCID: 0000-0001-8617-3508.

Filipp A. Kirichko – Postgraduate Student and Research Assistant, Department of Oriental and African Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198, Russian Federation.
E-mail: 1142230184@rudn.ru ORCID: 0009-0005-2443-5556 SPIN code: 9253-5120.

Conflict of interest:

The authors declare no conflict of interest.

Acknowledgements:

This publication was supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project no. 102502-2-000.